

Я ПОТРОГАЛ ЕЁ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

К В С Н К П Н

18+

Иван Сергеевич Клим

Я потрогал её

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497041

SelfPub; 2019

Аннотация

Айк – молодой, но уже почти отчаявшийся в жизни, парень. Он погряз в алкоголе и случайных половых связях. Каждое утро Айк раздает себя чужим людям, серым улицам, прокуренной комнате. А поздним вечером засыпает. Обессиленным и бесполезным. Родные, близкие, друзья – все пытаются ему помочь. Но нужно ли спасать того, кто не хочет быть спасенным? Содержит нецензурную брань.

Я – брешь в презервативе отца.

Я – шрам над промежностью матери.

Я тут только потому, что мой отец ее трахнул.

Я – внебрачный сын Муфасы.

*Я – память, прячущая воспоминания о мастурбирующем
детсадовском дворнике.*

Я – пятна мочи на шортах впервые избитого мальчика.

Я – шрамы на теле гиперактивного ребенка.

Я – скелеты с берегов Хемингуэя.

*Я – та инфекция, что подарила полиомиелит мальчишке,
которому до конца дней будут сниться олимпийские медали.*

Я – слипшиеся локоны Курта Кобейна.

Я – плева Девы Марии на губах новорожденного Христа.

Я – язва на члене Джона Уилмота.

Я – пустые слова в уши наивной девственницы.

Я – клофелин в стакане родной сестры.

Я – страсть, чьи плоды – порванная кожа.

*Я – рука, что выронит протянутый стакан воды перед
смертью.*

Я – все то, что любил, все то, что теперь так ненавижу.

Я – это ты.

Девушка, законного возраста на вид, тоскливо проводит
товары через сканер кассового аппарата. Я гляжу на ее руки,

на еду, которой эти руки жонглируют, и думаю: что если молоток, купленный все в том же гипермаркете, где я стою на кассе, станет вечером того же дня орудием убийства. Обвинят ли в преступлении кассира? Особенно, если это милая хрупкая девушка. На рукоятке молотка будут ее отпечатки, но ведь оно и очевидно. У нее есть алиби, ей даже не потребуются перчатки.

Как бы мне хотелось, чтобы она отымела меня, а потом раскроила бы мне затылок, когда я потянусь к прикроватной тумбочке – раскурить нам по сигарете.

Когда ты давно не трахался, то становится трудным завести диалог с незнакомой девушкой.

– Привет. Я хочу тебя.

В голове лишь эти слова. Слишком мало, чтобы «хочу» смогло превратиться в «хотел». Ладони потеют из-за отсутствия практики общения. По височным артериям медленно ползет сперма и тормозит мыслительный процесс. Самым разумным решением будет оставить слова при себе.

Но проблема заключается еще и в том, что хочешь каждую вторую. Мечтаешь запустить свой нос под любого фасона юбку. А затем, словно в банку чипсов Принглз, руку.

Девушка закончила жонглировать.

– Что-нибудь еще?

– Минет, пожалуйста.

– Что, простите?

Я сказал это вслух? Наверное, показалось.

– Пачку сигарет.

Я показываю на те, что находятся на самом верху. Девушке приходится встать, чтобы дотянуться до них.

– Эти?

– Да, – отвечаю я, не отрывая взгляда от ее голой жопы, в действительности обтянутой облегающими джинсами, но в моих фантазиях уже без них.

Я оплачиваю товары, ставшие теперь покупками. Выхожу из супермаркета и спешу домой. Иду я быстро, отчасти от того, что пакеты тянут к земле и один уже, кажется, надорвался, отчасти от того, что мне срочно нужно опустошить надорванные яйца.

Добрался я быстрее обычного. Разулся, отнес пакеты на кухню и отправился напрямиком в туалет. Спустил джинсы и стал разминать опухшие яйца, а с ними и член, который весь путь от магазина терся о трусы и просился наружу.

Глаза закрыты. Работают лишь воображение и руки. Я начинаю представлять, как неспешными рывками продвигаюсь, сидя на продуктовой ленте. Без упаковки, полностью голый. Продукты передо мной поочередно облапываются ручками сексуальной кассирши. Я подъезжаю к ней. Наступает очередь моего члена. Она берет его в ладошки, разглядывает, вертит, как хочет и произносит:

– Вы забыли завесить товар. Впрочем, сойдет и так.

Она стягивает надоевшие джинсы. Я не верю своей фантазии – ее жопа даже лучше, чем я мог себе представить. Она залезает ко мне на ленту и встает на четвереньки.

– Трахни меня, как не трахал никого.

Я вхожу в ее узкую вульву. Уже может быть лишь собственный кулак.

Бабки в очереди пораженно смотрят на нас. Начинают пускать слюни.

А я трахаю эту горячую мечту, как не трахал никого. Впиваюсь в ее холку зубами и ебу, жадно собирая ноздрями запах ее волос.

Бабки подбирают свисающие слюни руками в кожаных перчатках не по размеру. Задирают свои многослойные юбки, и начинают разминать позабытые мужчинами вагины.

Под нарастающие аплодисменты-хлопанья вокруг, я продолжаю ебать хрипящую кассиршу и вот-вот готов кончить, как эта дрянь решает сменить позу. Перекладывается на спину, и я встречаю ее выбивающиеся из под футболки сиськи, а затем и лицо. Член начинает обмякать в руке.

Это уже не та кассирша. Это совершенно другая, знакомая до боли мне девушка.

Сначала растворяются бабки, злые, оставшиеся без оргазма.

Потом магазинная лента, продукты, лампы – все сменяется стенами моего туалета.

Исчезают ноги, живот, сиськи, остается лишь лицо. По-

степенно исчезает и оно, последними растворяются глаза.

Я отливаю и жму кнопку слива.

– Прости, – шепчу я виновато никому.

По пути в комнату застегиваю джинсы.

Открываю свой старенький ноутбук. Пока он включается, закуриваю.

Я где-то слышал, что если мысли мучают, особенно, если они становятся невыносимо навязчивыми, то отличный способ избавиться от них – поделиться ими с бумагой. Еще помогает запой, но для него у меня нет ни денег, ни настроения.

Я создаю новый документ текстового редактора, тушу сигарету и роняю пальцы на клавиатуру.

Если есть что сказать, говори.

Документ Microsoft Word 2222223уаокшокщш.docx

Меня зовут Айк.

За час до своих родов, что имели место в прошлом столетии в, одном провинциальном городке, я перевернулся в утробе и уперся ногами в тазовые кости матери, уже осознавая, что меня подставили. Акушерам пришлось сломать мне ключицу, чтобы я перестал сопротивляться. Грязный ход, но их взяла.

Потом было детство и было оно неплохим, чтобы в нем остаться. Когда по утрам хотелось просыпаться и улыбаться новому дню, а имеющиеся игрушки предназначались не для

сексуальных утех.

Но время было беспощадно к нему. И решило подшутить, заменив подростковым возрастом со всеми его прелестями: прыщами, мастурбацией и депрессивно-суицидальными настроениями. Ну, хоть сигарет подкинуло. И на том спасибо.

Оставалось ждать совершеннолетия. Предвкушение его было приятным, а планы грандиозными, например, что в день, когда мне исполнится восемнадцать, мир откроет свои объятия и примет меня таким, какой я есть. Я заблуждался. Вместо этого он лишь выбил всю наивность и всю оставшуюся подростковую романтику. Со временем оставив лишь бесцельность и постоянную тоску. С этим можно было бы смириться и потихоньку начать глушить «беленькую» где-нибудь в гараже и не вникать в происходящее вокруг, но все мое существо категорически было против подобной участи. Все же, с годами, оно начало сдаваться.

ГЛАВА 1?

Пот, вязкий как смола, собирался на висках и тяжелыми каплями медленно скатывался по щекам и шее. Достигнув воротника моей черной футболки, впитавшись, пропадал в ней практически бесследно, оставляя после себя лишь запах и темное пятно на короткое время. Сама футболка давно прилипла к телу, казалось, снять ее можно было не иначе, как вместе с кожей.

Я безуспешно пытался уснуть. Закрывал глаза, но через

минуту открывал их снова. У основания кровати были выстроены опустошенные банки из-под пива, каждая по очереди служила мне пепельницей. На столе лежала открытая коробочка с зачерствевшим куском недельной давности пиццы. На подоконнике валялся перевязанный узлом использованный презерватив. Солнце битый час нагло рассматривало бардак моей комнаты, за которую я отдавал девять тысяч в месяц и на тот момент порядком задолжал.

Если алкоголь и сигареты убивают, то скука добьет обязательно.

Накануне ночью мне просто необходима была встряска, новые ощущения. Алкоголь – это, конечно, в какой-то мере, хорошо, но за четыре месяца ежевечернего пьянства и он может надоесть. Было уже за полночь и кроме пары банок пива у меня почти ничего не осталось. Натянув футболку и шорты, я направился уверенной неровной походкой к соседям по квартире.

Кроме их и моей комнат, квартира состояла из еще одной, мимо которой я не мог не пройти, если приходилось выбираться на улицу. В этой комнате проживала древняя бабуля с не менее древними попугаями. Попугаев я, собственно не видел, но постоянные крики из-за вечно запертой изнутри двери, напоминали попугайчи. Хотя, кто знает, может быть, благодаря бабке, уцелела парочка карликовых птеродактилей. Бабуля на глаза попадалась мне крайне редко, может раз в месяц, а то и реже. Поэтому, возвращаясь по вечерам с ра-

боты и проходя мимо ее комнаты, я всегда принимался – не ожидается ли новоселья?

Соседями, от которых меня отделяли десять секунд пешим способом, были Никита, или Ник, как он сам попросил его называть при нашем первом знакомстве, и его девушка – Марта.

Раз в неделю они заходили поболтать. Приносили с собой колу, и мы пили мой виски. Иногда приносили двушку апельсинового сока, и мы пили мой вермут. Потом они уходили, и я забывал, о чем же мы болтали; кажется о том, о чем и за неделю до этого. Остальные шесть дней они стабильно ругались, били посуду, хлопали дверями. Но, судя по всему, они любили друг друга. Так как скрипы их старого дивана, доносившиеся из-за стены, неизменно следовали после каждой ссоры, пока я стабильно пил свой виски и вермут. Без колы и без сока.

Ник – худой двадцатидвухлетний парень с разросшимися под кожей широченными венами, по виду больше напоминающих темных змей. В прошлом, до реабилитации, он уверенно сидел на «фене», так на жаргоне нариков звучит сокращенное название амфетамина. Бывало, у него не хватало денег на дозу, и он находил средства при помощи биты, подкарауливая поздно возвращающихся и слегка перепивших в день зарплаты работяг. Через три года ежедневной погони за кайфом у него начали крошиться зубы и ломаться волосы, не говоря уже о колоссальной потере в весе. Не без помощи на-

стойчивости своей бедной матери и последних остатков силы воли Ник прошел курс лечения от наркозависимости. И, когда мы познакомились, был «чист» больше полугода. Ну, разве что иногда заваливался улыбающимся и с залитыми кровью белками глаз. И все-таки про запас, для таких, как я, скучающих, у него было припрятано. Все это он рассказал мне одним вечером, за неизвестно каким по счету стаканом разбавленного виски.

Я добрел до его с Мартой комнаты и постучался.

Через пару минут из приоткрывшейся двери показалась голова Ника.

– Бля, мужик, тебе чего? – спросил он резко и злобно. Лицо его был мокрым, а сам он тяжело дышал.

– Прости, Ник, я не знал, что вы с Мартой заняты. Я позже тогда зайду, завтра. Извини еще раз.

– Да норм все, – голос его был уже спокойнее. – Говори, чего хотел?

– Ник, – я стал говорить тише, – можешь мне «фена» дать чутка? Я заплачу.

– Ты че, серьезно, ты только поэтому?

Я кивнул.

– Слушай, давай... Ты уверен? Зачем тебе?

– Исследовательский интерес, не более.

Ник просканировал меня взглядом, будто я под прикрытием своей грязной футболки и шорт был работником какого-нибудь ФСКН.

– Как знаешь. Тебе виднее. Ща, обожди.

Голова его скрылась за дверью. Не прошло и минуты, как она появилась вновь. Ник протянул мне сложенную в несколько слоев бумажку.

– На, там чуть-чуть, как раз для исследования. Будь аккуратней и бодрой тебе ночи. Сочтемся после.

Дверь резко закрылась вновь, и я поплел обратно к себе, изучать содержимое бумажки.

Я высыпал порошкообразный наркотик на коробку, оставшуюся из-под пиццы, там и правда, было чуть-чуть, но я не знал, сколько точно нужно употребить, поэтому волновался, боясь переборщить. Словно в криминальных кинолентах я достал банковскую карточку и начал выкладывать ей дорожку, после чего извлек из кармана пятихатку, которой планировал расплатиться за фен, свернул ее в трубочку и снюхал по половине дорожки каждой ноздрей.

Все тихо. Организм молчал. Я ждал, тупо сидел и смотрел на часы.

Через пять минут в комнате резко похолодало.

Через семь – от холода застучали зубы и онемели ноздри.

Через десять минут всем телом я ощутил эффект наркотика в полной мере: необычайная бодрость и гипертонус мышц, чувства обострились. От учатившегося биения сердца затрещали ребра. Мне дико захотелось курить. Я достал сигарету, но вместо того, чтобы ее выкурить – облюнявил и изжевал к чертям весь фильтр. Также вышло и со следую-

щей. Ночь и правда предугадывалась бодрой, а вдобавок, и бестолковой.

Спустя примерно полчаса в дверь бешено заколотили. Я вскочил, как током ударенный.

«Ну все, пиздец, походу бабка подслушала и донесла».

– Пять минут подождите, я только вещи собираю.

– Мужик, открывай срочник! – голос недавнего собеседника.

Я повернул ключ и в комнату ввалился испуганный Ник, за ним следом еще какая-то, не полностью одетая, девушка. Грудь ее не поддавалась обзору, так как была прикрыта блузкой и курткой, которые их хозяйка прижимала к себе.

– Айк, выручай, моя приезжает. Сюрприз, мать ее, сделать решила. Не стала дожидаться утреннего рейса, – он говорил быстро, взволнованно, выплевывая слова.

– Ты про Марту что ли? Откуда приезжает?

– У матери на выходных она была, да это не суть. Скоро уже здесь будет. Можно она у тебя останется? – он махнул рукой в сторону девушки, с которой завалился. Она так и стояла, внимательно слушая и ожидая развязки. – Типо ты ее привел, а после на такси ее посадишь, а я тебе фен прощу и еще дам. Ну, заметано?

Теперь я врубился, что к чему. Предложение казалось выгодным и, что самое главное, ненапряжным.

– *Просят ли в ад жертвы маньяка, чтобы лично дать ему пизды?*

Я начал смеяться.

В дверь раздался звонок.

Мне стало еще веселей.

– Айк! – глаза Ника напоминали крысу, на которой вот-вот испытают очередной препарат.

– Так и быть, пусть остается, – сквозь смех произнес я.

– Спасибо, мужик, в век не забуду, – он пожал мне руку и прежде чем умчаться, на ухо прошептал, – под феном классно ебаться. Я проводил Ника остатками смеха и закрыл дверь.

Девушка бросила свои вещи на стул. Она и не думала одеваться. Высокая, на вид лет двадцать пять, крашенная брюнетка. Но самое главное, что в ней цепляло и непременно бросалось в глаза – это удивительно огромная грудь. Теперь я смог убедиться в этом в полной мере.

– Как тебя зовут? – спросил я ее.

– Маргарита, – Нику видимо нравились имена на «М». Но что-то мне подсказывало, что дело здесь не в имени. – Можно Рита.

– Хочешь пива, Рита? – спросил я ее.

– А фен есть?

– Нет. Закончился.

– Жаль. Может, что-нибудь покрепче предложишь?

В тумбочке у меня оставалось немного «белой лошади». Я наполнил остатками единственную чистую кружку, вышла половина, и протянул ей. Она села на кровать и, не произ-

нося ни слова, стала потягивать предложенную ей выпивку. Я молчал тоже. Сел на стул напротив, на тот где лежали ее вещи, открыл себе пиво и, не в силах оторваться, пил и пялился на ее грудь.

Рита первой нарушила молчание.

– Так мы будем сексом заниматься?

Я поднял взгляд выше до ее глаз.

– Конечно... Прости, что? Мне послышалось или ты что-то сказала про секс?

– Тебе не послышалось. Так будем или нет?

Как оказалось у фена есть отрицательный эффект, проявляющийся тем, что член, будто после ледяной ванны, съезжается до размеров финика. Секса мне не хотелось совсем.

– Но ведь ты с Ником, – попробовал я перевести тему.

Она засмеялась.

– Ты про своего друга? Это наша с ним вторая или третья встреча. К тому же приезжает его старушка, а значит, увидимся мы еще не очень скоро. Ну, так что ты надумал?

– Прости, я обдолбанный и навряд ли смогу что-то сделать, даже возбудиться.

– Ну, – засмеялась она, – это не проблема.

Она сняла сапоги. Затем поочередно стянула чулки такого же цвета, что и ее волосы. Потом юбку, и, наконец, трусики. Подошла ко мне, опустилась на колени и стала стягивать с меня шорты. Я хотел было удержать ее за плечи, но вместе этого стал собирать ее крашенные волосы. *Почти невозмож-*

но при первом знакомстве уговорить девушку сделать тебе минет, и точно невозможно отказать, когда она предлагает его сама. Я почти ничего не чувствовал, но по спине моей забегали мурашки после того, как Рита сжала своими наращенными ногтями мои ягодицы. Когда она освободила мой член от объятий своих губ, я с удивлением заметил, что он в полной боевой готовности. Вены набухли, и казалось, что кровь со всего тела собралась исключительно в одном месте. Рита поднялась, подошла к кровати, забралась на нее и встала на четвереньки. Я одел презерватив, поплевал на ладонь, смочил ее пизду и вошел. Ебались мы долго и отчаянно. Я никак не мог совладать с ее грудью, без конца норовящей выпасть из ладоней. Иногда мы прикладывались к пиву, дабы утолить жажду. В итоге, после пары оргазмов Риты, кончил и я. У меня колело в боку. Член блестел и никак не хотел расслабляться. Маргарита отдышалась, встала и пошла в душ. Когда она вернулась, я все еще сидел голый и со стояком.

– Ты хочешь продолжить? – спросила она.

– Нет, извини, на сегодня я пас.

– Тебе не за что извиняться. Было круто.

Она начала одеваться.

– Можешь пока приготовить деньги и вызвать такси, – сказала она, застегивая спереди лифчик.

– У меня только пятьсот. У тебя не будет сдачи?

– Смешно, – она застегивала блузку. – С тебя две тысячи, чемпион.

– Такси столько не стоит. Тебе что, в другой город ехать?

– Какое на хрен такси? Две тысячи за секс.

Тут меня осенило.

– Ты что, проститутка что ли?

– Нет, мать твою, посол доброй воли.

Я выругался. Ник, сукин сын, подsunул мне шлюху.

– Так что же ты сразу не сказала?! – с гневом спросил я.

– А тебе друг разве не сообщил? – она одевала второй сапог. – Он же шептал тебе что-то на ухо. Я думала, ты в курсе.

– Он мне не друг, и ничего он не говорил. Слушай, давай я вызову такси, мы доедем до банкомата и я отдам тебе твои честно заработанные деньги.

– Ладно, только не вздумай смуться. Я знаю, где ты живешь.

Сматываться я не собирался. Я был наслышан, о том, что будет, если шутить с дамочками по вызову. Приедут их менеджеры-сутенеры и там уже не до шуток.

Пока я одевался, Рита написала свой номер на все той же коробке из-под пиццы.

Дурак, надо сразу было догадаться о том, что она шлюха. Ну не могло быть все так легко. А еще запах исходивший от нее, на который я не обратил внимания раньше. Ведь она пахла, как пахнут все порядочные проститутки: мылом и одиночеством.

Мы дождались такси. Меня штырило. Всю дорогу до банкомата я старался не бить зубами друг об друга и не кор-

чить рожи, получалось у меня с сомнительным успехом. Я отдал Рите ее деньги, попрощался и поехал обратно. Протянул таксисту скрученную «пятихатку», взял сдачу, поблагодарил и направился напрямиком к подъезду. Но, не дойдя пары метров, склонился над урной и проблевался, в перерывах между позывами рвоты матеря ту ночь и людей ее составивших. Обтираясь рукавом куртки, я поднялся на свой этаж и аккуратно, чтобы никого не разбудить из жильцов, закрыл за собой входную дверь. Впрочем, старания были напрасны. Я услышал, как бьется посуда, и летают вещи – Марта вернулась. Не понимаю, почему они не перейдут на пластик.

Я зашел в ванную и снял с себя одежду. Теплые струи воды заботливо смывали с меня все запахи и тревоги. Так прошло достаточно много времени, не знаю точно сколько, но когда я вышел, то в квартире было уже тихо. За окном рассветало. Я не любил утро – новый день меня всегда пугал своей непредсказуемостью. Вдобавок к моему члену стала возвращаться чувствительность, и теперь он дико болел. Видимо во время ебли с Ритой выскочил и ударился в непредназначенное для него место.

Я оказался на мели. словно опустевший корабль, расколотый надвое, который приплыл в никуда, который больше никогда не тронется в путь.

Помимо сигаретного дыма в комнате висел кислый запах пива, пота, мыла и одиночества.

Уснул я лишь ближе к обеду.

повесть.docx

глава 2.

Макс являлся для меня одним из тех немногих друзей детства, с которыми судьба сближает не только общим двором и школьной партой. Мы слушали одинаковую музыку, болели за одну и ту же футбольную команду. В старших классах покупали вскладчину одну пачку сигарет на двоих, бухали и просто проводили время вместе. Мы даже мастурбировали на девушек друг друга, иными словами, у нас были общие вкусы в плане женщин.

С годами Макс не менялся совсем. Копна вечно не расчесанных волос соломенного цвета на голове. Кривые зубы, постоянно выстраивающиеся в улыбку при разговоре. Ржаво-огненные глаза, выглядывающие из-под густых ресниц, как два солнца ранним летним утром, которые наблюдает алкоголик сквозь траву, не добравшись накануне до дома. Длинные конечности и тело, худощавость которого скрывали футболки с принтами любимых рок-групп. Вот, собственно, и весь портрет Макса.

С момента нашей последней встречи прошло несколько месяцев, а потому оба мы были пьяны. Мы сидели на застекленном балконе квартиры нашего общего знакомого. Поводом, по которому нас пригласили, являлись поминки – знакомого забирали в армию. Проводы выдались паршивыми: много криков, безмозглые девки, надменное бляение пар-

ней, которые уже отслужили, и, почему-то, очень этим гордились. К счастью, большая часть гостей рано разбрелась, кто-то все же остался и лег спать, где пришлось. Остались и мы. Не без труда отыскали непечатую бутылку джина и устроились на балконе.

Мы смотрели вдаль, на фонари, окна, изредка проезжающие машины. Взгляд просто блуждал, не стараясь за что-то зацепиться. Каждый из нас думал о своем, и одновременно ни о чем. Мы неспеша пили, разговаривали и курили сигареты из пачки, кем-то позабытой на подоконнике. Стрелка на часах горизонта приближалась к рассвету.

– Теперь в этом городе для нас не осталось тех, кого мы называли любимыми, друзьями, любимыми друзьями... – Макс медленно и глубоко затянулся, выдохнул, продолжил. – Ничего кроме теней воспоминаний. Взять хотя бы того чувака, который нас пригласил, да я уже завтра не буду помнить, как его зовут. И мне плевать, что нас когда-то с ним что-то связывало. Эта связь осталась в прошлом. Город стал пустой. Город стал призраком. Теперь он ничем не отличается от тысяч других, в которых уже побывали, в которых не будем никогда. Ты думаешь, что вот, нашел место, где все так знакомо и так комфортно, где люди тебе улыбаются и стараются понравиться. Но, по сути, для города ты кролик, которого держат в чистоте, кормят и ухаживают, пока в один прекрасный момент обух не опустится на затылок. Или же, другой вид города – город, где ты родился. Он мил тебе и

близок, а ведь только память о детстве, в нем проведенном, позволяет называть его родным. Сплошной самообман. И мы знали, что рано или поздно, так и будет, так бывает всегда, просто стараемся не думать об этом. Но, по-моему, слишком рано это рано наступило.

Макс затушил сигарету, тем самым знаменуя окончание своей пьяной философии. Его слова гармонировали между собой, он произносил их без пауз. Было понятно, что эти мысли он прогонял в своей голове не раз.

Вот уже несколько месяцев, как я не был здесь, в этом городе. Приезжать было тяжело и совершенно не хотелось, но надежда оказалась сильнее.

– Ты встретил ее? – Макс нарушил молчание.

– Весь день всматривался в каждое женское лицо, что встречал... Безуспешно.

– Почему не позвонишь ей?

– Не думаю, что это будет иметь хоть какой-то смысл. Я перед ней безгранично виноват и не надеюсь на прощение. Давай не будем об этом.

Макс достал из пачки еще сигарету.

– Прошлое никогда нас не оставит, друг. Оно же нас и доконает.

Выпуская дым сквозь ноздри, он в несколько глубоких затяжек докурил сигарету до половины и протянул мне оставшуюся часть. После чего крепко приобнял за плечи. Я чувствовал, как Макс дрожит от осенней прохлады.

– Заглянешь ко мне вечером?

– Разумеется, спрашиваешь еще.

– Отлично. Буду ждать.

Попрощавшись, он уставший и пьяный закрыл за собой дверь и побрел до кровати. Тот факт, что вечером мы увидимся вновь, наполнял грядущий день смыслом от ожидания.

Через пару минут я, перешагивая через лежащих на полу и храпящих перегаром знакомых, нашел куртку и рюкзак, дошел до двери, аккуратно прикрыл ее за собой и отправился спешной походкой на вокзал.

Я шел и думал о том, какими маленькими хрупкими мальчиками, бредущими раз в месяц, мы когда-то с ним были. Пытающимися урвать нужные крупинцы из бесконечного потока информации. Мечтающие прочитать все написанные человечеством миллионы книг и понять хотя бы сотую их часть. Без конца строящие себе идеалы, принципы, взгляды, но в одночасье рушащие их, а затем строящие на их руинах новые. Мы хотели быть лучше всех, ни на кого не походить. Мы на мир смотрели каждый через свои радужные окуляры. Но, прошли года, и мы неспеша стали выглядывать из-за них, до покраснения растирая расширенные в ужасе глаза. Ведь увидели, что те самые хрупкие мальчики покрылись трещинами, более того, облеплены с ног до головы огромными кусками грязи, избежать которых, видимо, не представлялось возможным. По уши в дерьме, дерьмом воняющие.

Того и гляди, еще немного и задохнутся. И эту злую шутку над ними провернула жизнь, та, что преподнесла множество дорог, вот только позабыла расставить указатели. А была ли из этих дорог, всех в канавах и ухабах, хоть одна верная? Оставалась лишь надежда на то, что представится возможность отмыться.

Город медленно удалялся в окне электрички: дороги и тротуары, изрезавшие его, улицы, калейдоскопы неоновых вывесок, звезд и фонарей. Как ни крути, а мы все так же будем искать города, что станут декорациями одного из актов нашей жизни. Бежать из них, чтобы найти другие. И так до контрольной неизвестной точки на карте собственной географии.

Ты – город, научивший меня любить, жестоко показавший, как порой это больно, спасибо тебе.

Теперь прощай. Навсегда.

Когда я проснулся, поезд уже приближался к столице. Об этом нетрудно было догадаться по отсутствию в вагоне свободных мест и все плотнее заполняющихся людьми проходными между сиденьями. Покурить не представлялось возможным до самого вокзала.

Напротив сидела пожилая пара. Парень и девушка. На вид лет по семнадцать. Они слушали один плейер на двоих. Два наушника на четыре уха. Глядя на них, могло показаться,

что они прожили вместе всю жизнь, проведя ее в разговорах, перебрав все знания мира. И больше им сказать друг другу нечего. Они слушали музыку и тупо молчали.

В какой-то момент в вагон зашла представительница железнодорожной филармонии и фальшиво затянула под гитару «Вальс-Бостон». Видимо, утро для нее было чересчур дерьмовым, и она спешила поделиться этим с остальными. Да и вряд ли оно могло быть другим, когда нет ни работы, ни таланта. Я прекрасно понимал, о чем она поет.

Я бросил беглый взгляд на пассажиров, вернее на их прекрасную половину. Не найдя радости для глаз, уткнулся в серые хрущевки за окном. Зима еще не успела начаться, а мысли уже жаждали лета. Терпеть не могу уродливые пуховики-доспехи.

Женщина с гитарой, извиняясь, проталкивалась через людей к следующему вагону, попутно задевая каждого второго декой. Из тамбура было слышно, как контролеры пытаются оштрафовать какого-то мужика за курение. Чем дальше контролеры продвигались по вагону, тем просторней становилось в нем. Транспортная компания вынуждает одних пробегать спринтом платформы, стараясь не переломать лодыжки и шеи, других – оплачивать проезд тех, кто рискует здоровьем в целях экономии. Слышал, что в одной европейской стране в пригородных поездах ввели в постоянную практику проводить лотерею по номерам билетов, как следствие – количество «зайцев» резко сократилось. Но это где-

то в европейской стране. С доброй половиной пассажиров я отправился повторно слушать «Вальс-Бостон».

По прибытии, выходя из поезда, я бросил взгляд на почти опустевший вагон. Там оставались лишь кондуктора и охранники. Им предстояло коротать час до обратного отправления. Голос одного из кондукторов я запомнил, когда она требовала заплатить штраф мужика в тамбуре. Громко разговаривая и смеясь, она прерывалась лишь для того, чтобы сделать затяжку из поднесенной к губам сигареты.

Глава 3.

Лучше уже не будет никогда. Дальше – хуже. Черные жизненные полосы никуда не денутся, они лишь начнут казаться белыми, как только к ним привыкнешь, дальше снова черные и так до конца.

Я ждал конца, продолжая волочить за узды дохлую полностью черную зебру.

Я застегнул молнию своей парки до самого подбородка, едва не зацепив то, что образуется на лице, если пару месяцев не пользоваться бритвой. После теплоты вагона особенно сильно ощущался пробирающий холод, не заставляющей себя ждать, надвигающейся зимы. В такие нещедрые на погоду дни продавцы ларьков с выпечкой скалятся в приветственной улыбке шире, чем обычно.

Я пил обжигающий дешевый кофе, периодически зевая. Пластиковый стаканчик был настолько тонкий, что приходилось держать его через перчатку. Свободной рукой рылся в смартфоне, ища, где лучше приобрести подарок для Макса, с выбором которого еще не определился. Был день его рождения. Ничего интересного, обычная попойка, наверняка ни единой телки, пицца, бухло, разговоры о вагинах, музыке, кино, спорте. До тех пор пока всем не надоеет и они не догонятся крайним стаканом, дабы уйти в отруб. В общем, все по старой избитой схеме. Я бы и не принял приглашение, если бы личность именинника была мне безразлична.

Смяв стаканчик, спустился в метро. Тесное, грубое, наглое, перегруженное приезжими работягами. Вздохнуть свободно может лишь к вечеру, когда расфасует приезжих по вокзалам, а те, в свою очередь, отправят их по своим городишкам, чтобы вновь встретить поутру.

Я продвигался в толпе к эскалатору. Какой-то пидр, двигаясь по встрече, задел плечом. Надеюсь, ебарь его жены не такое же чмо.

Спустя несколько песен, я доехал до нужной мне станции. Торговый центр, будто огромный аквариум: весь стеклянный, набит людьми, а те, подобно рыбам, летают от витрины к витрине хаотичными стайками. Разница лишь в том, что рыбе не нужны брендовые шмотки, приторная туалетная вода и сумки из других животных, в которых бы удобно было таскать брендовые шмотки, туалетную воду и про-

чие необходимости. Рыбу не заманить в аквариум скидками и распродажами. Вот кормом – вполне. Я пришел за кормом. Мне показалось, что я достаточно разбираюсь в мышлении рыб, поэтому посчитал бутылку вискарря неплохим подарком. Вискаррь любят многие. Макс – точно. Я же его друг, а настоящие друзья просто обязаны знать предпочтения друг друга в спиртных напитках.

Времени у меня было вдоволь, сэкономленное на решении не тратить сил на изнуряющие поиски подарка, а остановить выбор на классике. Чтобы как-то скоротать его, я закурил у входа рядом с охранником. Спокойный такой перекур, что ли получался. Рядом стояли две женщины: тонкие папиросы, толстые пальцы. На кончиках сигарет висел такой слой губной помады, что с лихвой хватило бы на неделю пользования. Дымили, о чем-то кудахтали: то ли о причинах эмиграции Бродского, то ли о размерах членов своих мужей. Позади них, жадными ждущими глазами из-за угла наблюдала компания из четырех мальчиков. На вид точь-в-точь копии андерсоновских утят. Так же ненавидят лебедей, но завидуют им. Я про тех, кто красивее, больше, сильнее и у кого благодаря родителям размах крыльев шире. Но они, эти мальчишки, уже давно не интересуются сказками, а потому, утятами останутся навсегда. Вырастут, найдут таких же уток, нарожают с ними себе подобных и будут воспитывать их с установкой ненависти и зависти к лебедям. Им будет важно, чтобы их утята дружили с детьми этих самых лебедей. А ле-

беди будут учить своих детей не связываться с утятами.

Так стоял я и думал, еще думал о том, что пора бы перестать проводить параллель между людьми и животными. Хотя бы потому, что это оскорбительно по отношению к последним.

Тем временем курицы, то есть женщины, побросали свои недокурные сигареты в пепельницу над урной. Для таких, как они, сигарета просто еще одна нужная трата, позволяющая как-то разнообразить свои перешептывания и сплетни.

Едва женщины скрылись в дверях центра, подлетели мальчики и жадно похватали недокурные сигареты, тут же исчезнув за углом. Восемь маленьких легких удивительно быстро сумели переработать табак в дым, потому как я еще не успел докурить, а мальчики, сплевывая, уже косились на меня из-за угла.

Я подошел к урне и раскрошил сигарету, хотя в этом и не было необходимости – от нее и так почти ничего не осталось. Не оборачиваясь, двигаясь к дверям, услышал в спину концентрированное:

– Козел!

Я никак не отреагировал и не обиделся. Их правда.

Глава 4.

Вечер. Знакомые Макса. Пьем, курим, иногда смеемся, но больше пьем. Ни одного приятного гладкого личика, лишь наши запущенные хари.

– Ну че, взяли тебя на работу? Ты же вроде говорил сегодня? – сквозь шум гитар из колонок спрашивает меня Макс.

– Перезвонят, сказали. Пока не звонили.

– Ну, ясно.

Разговор не клеился, как собственно и весь вечер. Началась очередная бестолковая попойка. Чуваки разговаривали о роде деятельности друг друга, кто чем занимается, у кого какие планы. Я молчал. Один из ребят был вокалистом какой-то известной в узких кругах дэт-кор группы. Видимо в очень узких, потому что названия я не запомнил и больше нигде с упоминаниями о нем не сталкивался. Попросил его дать коктейль из скрима и гроула. Он проорал. Мне заложило уши. Децибелами и слюной. Впечатлил.

Безнадежно мы пили вискарь, который я подарил. Потом вискарь, который подарили другие. Пойло было не из дешевых, поэтому неправильно было им тупо накидываться. Но мы накидались.

На этом, казалось, все. Больше ждать развития вечера надежды не было. Пойти в туалет, передернуть, если получится, и завалиться спать.

Мы опозлили этот вечер, переведя понапрасну алкоголь, мы опозлили его своими разговорами – бессмысленными, пустыми. Неминуемо должно было произойти что-то, что опозлило бы его в конец. Это что-то не заставило себя ждать.

– А может зарядим «фифу»? – не знаю кто это произнес,

ведь уже минут пять, как я подпирал краем стола лоб. Но это фраза стала решительным моментом для того, чтобы я смог почувствовать себя Ньютоном. Думаю, что его лицо сияло точно также после падения яблока, как и мое, когда я вско-чил с криком:

– Собирайся, Максим! Мы едем к проституткам.

Я не знал, сколько стоят проститутки, во всяком случае, в том районе. Но я знал, что в компании было на одного человека больше, чем подаренных бутылок вискаря.

– Кто не дарил подарка, признавайтесь, педики? – злобно произнес я, оглядывая присутствующих, не понимающих, что происходит. Алкоголь в моей крови достиг той дозы, когда непременно надо было потревожить чью бы то ни было челюсть или хотя бы гордость.

– Че случилось то? Ты че, орешь?

– Потому что случаются в жизни такие моменты, когда просто необходимо орать – во-первых, во-вторых – давай ко-сарь, ты не отметил подарком. – Именно этой суммы мне недоставало, чтобы быть уверенным – из борделя нас пин-ками не выгонят. Надо же, угадал. Чувак полез в кошелек и протянул зеленую купюру.

Через пять минут мы с Максом стояли на обочине. Я пы-тался поймать машину. Макс думал, что это просто моя оче-редная прихоть, пьяный закидон, что мы просто отрезвеем благодаря полуночной прохладе, может даже прокатимся па-ру кварталов, а затем благополучно вернемся разменивать

заканчивающиеся сутки на следующие. Но нет, я был настроен твердо, уж если и не найти проституток, то хотя бы не опозлать этот день в конец.

Остановилось серо-грязное «рено».

– Куда вам, ребят? – спросил молодой парнишка. Из салона пахло то ли «рафаэлками», то ли рвотой.

– Привет, к шлюхам.

– Эм, я понятия не имею где их искать. – Да, милая? – он ответил на телефонный звонок. Пахло все-таки рвотой. Я немного сблевал. Незамедлительно во рту почувствовался кисло-терпкий привкус виски.

– Так какого черта ты останавливаешься? – сглотнув, произнес я, но парнишка уже укатывал прочь.

– Айк, может, пойдем обратно? – предложил Макс.

Переминаясь с ноги на ногу, он в ожидании смотрел на меня, пряча при этом подбородок в воротнике куртки.

– Дружище! – нельзя было так быстро сдаваться, может он был просто трезвее меня и более здраво рассуждал. – Знаешь, что будет, когда мы допьем этот ирландско-американско-шотландский коктейль местного разлива, что ждет там на хате? Мы забудемся и лишь для того, чтобы пробудившись встретить мерзкое чувство, когда проснулся, но так, сука, не хотел. Так разреши, мне, чтобы хотя бы одно утро в этом году, таким для тебя не было.

– Да, успокойся ты. Я просто это, с проститутками никогда не контактировал. К тебе, кстати, подъехал.

Я и позабыл, что так и продолжал голосовать.

Не теряя прямолинейности, я обратился к бородатому мужику, что двумя руками, которые многие по ошибке приняли бы за волосатые бревна, сжимал руль. Я повторил ту же просьбу, что озвучил его коллеге несколькими минутами ранее.

– Залезайте.

Через десять минут мы стояли перед дверями массажного салона «Клеопатра».

Я позвонил дважды, дверь открылась и мы спустились вниз по представшей нашим подошвам лестнице. Поворот. Кожаные красные кресла, мягкие стены, чуть темнее оттенком. Дальше по коридору несколько дверей и за каждой, без сомнения, чудеса. Пахло аромасвечами и сексом.

Стойка администратора. За ней девушка: белые волосы, фальшивая улыбка, блузка на пуговицах.

– Здравствуйте, молодые люди, чем могу вам помочь? – приятный голос.

Говорю я:

– Понимаете, девушка, у моего друга день рождения, а он без памятного подарка оказался. Мы уверены, что прибыли точно по адресу, адрес который ему запомнится и, надеюсь, еще не раз пригодится.

Макс нервничал. Думаю, он до последнего верил, что мы все-таки оказались в массажном салоне. Но я доверял таксистам со стажем на лице.

– А сколько вашему другу исполнилось? – и правда, чертовски приятный голос.

– Ну, скажем так, совершеннолетие наступило давно. Теперь с каждым годом он все совершеннее и совершеннее. Сегодня совершенство, надеюсь, станет еще ближе.

По-моему, я начал утомлять ее своей пьяной словесностью.

– Предупрежу вас сразу, молодые люди, у нас интима нет, только массаж. – Мне показалось, что она подмигнула или подмигнул я, не помню точно.

– Фу, как скверно. А сколько стоит?

– Тысяча семьсот – час. Две триста – то же время, но чуть приятнее.

Я полез в бумажник. И вот тут-то Макс очнулся. Попросил непонятно за что извинений перед администратором и отвел меня в угол.

– Айк, на кой черт мне этот массаж?

– Чувак, все в порядке. Мы приехали по адресу, – шептал я. Не хватало только уговаривать свободного парня трахать-ся с проституткой, да еще и бесплатно. – В чем проблема то?

– Я просто волнуюсь и...немного боюсь.

– Слушай, я буду ждать снаружи, если что, то просто вый-дешь, и мы отправимся допивать остатки вискаря и играть в приставку. Но все же советую не отказываться от часового рая перед завтрашним, да и вообще будущим адом.

Макс задумался. Потом поднял глаза и положительно кив-

нул. Я отдал девушке-администратору деньги и вышел обратно по лестнице на колючий холод.

Где-то за углом бились бутылки. Из верхних окон многоэтажки доносился крик младенца и еще два громких голоса: мужской и женский. А я курил и мерз.

Макс вышел ровно через час с улыбкой до ушей, с облачной походкой.

Счастье возможно купить за деньги. Если принимать за счастье возможность выпасть из суеты, что вокруг. Отвлечься от дерьма, накрывшись, словно пледом, теплом женщины. Хотя бы лишь на час.

повесть(придумать название).docx.

ukfdfглава5.

Меня привлекла ее задница. Я шел за ней до самого вагона, не поднимая глаз выше пояса и не опуская ниже коленей. Стараясь не споткнуться. А потом все. На задницу сели. Теперь я увидел лицо ее хозяйки. Не так же хорошо, но сойдет. Я сел на свою задницу напротив.

Всю оставшуюся ночь мы с Максом опустошали бутылки с алкоголем и газировкой и вычищали лед из морозильника. Остальные играли в приставку, пока к утру не разбрелись по комнатам. Ночь переросла в утро. Ближе к вечеру я проснулся и понял, что мне пора возвращаться. Я заварил себе кофе, похлопал спящего Макса по плечу и отправился к метро. Потом вокзал. Ожидание. И чужая задница в качестве пово-

дыря.

Думаю, если пятеро бомжей трахнут один рот, перед этим трахнув других пятерых бомжей по очереди анально, то прикус будет такой же, как и у меня тогда.

Уголки губ хозяйки задницы потянулись к мочкам ушей. Я провел ладонью по лицу, незаметно проверяя, не показались ли из моих ноздрей козявки. Вроде нет. Так чего же она улыбается?

– Вика, – представилась она, да еще с такой надменностью, будто бы мне не все равно должно быть, мол, «возрадуйся, что я с тобой заговорила». Все принцессы сказок ждут принцев на белых конях, награждают их поцелуем, заставляя думать, что вот, «поздравляю, завоевал сердце». Не будь наивным, титулованный дружок, в действительности она лишь хочет, чтобы конь ее ревновал.

– Как, по-твоему, Вика, – не представился я, стараясь не дышать в ее сторону. – Что должно быть главным в мужчине?

Я уже ее заинтересовал, она ведь начала разговор. Но сложно выстроить беседу, когда, во-первых, с таким перегаром, как у тебя, можно ехать на сафари без ружья, во-вторых, все мысли только об одном: насколько мягко сидится твоей собеседнице, и крепко ли на ней спится. В общем, не самое удачное начало.

– То есть? – недоумевающе спросила она.

– Переформулирую: по каким критериям ты будешь выбирать отца своих будущих детей?

На миг она задумалась: то ли искала ответ на вопрос, то ли вспоминала значение слова «критерий». В итоге ответ созрел:

– Ну, у него должна быть харизма, стержень...

Отлично, за тридцать секунд ничего умнее описания «паркера» она придумать не смогла. Я понимал, что разговор мне быстро надоест, но продолжал:

– Шрама в пол лица достаточно для харизмы?

Легкий смешок.

– Ну нет, нужна... манящая красота что ли...

Блядь. Пора было заканчивать весь этот треп.

– У тебя полная семья?

Кивнула.

– Хорошо. Я спрашиваю, потому что девушки, выросшие в присутствии в их жизни отца, как правило, ищут похожего на него мужа. Мне кажется, в твоем случае именно так.

– Да, именно! Такого как отец, как папа.

Я задал вопрос, я дал на него ответ.

Несколько секундное молчание. Пора было перебираться в другой вагон.

Меня задержал ее вопрос:

– А для тебя какие главные критри... критари... какой должна быть мать твоих детей?

Не хотелось описывать по частицам собранный несбыточный образ. Теперь уже несбыточный. И все же ту, что задала о нем вопрос, я видел впервые, и тратить времени на нее мне

больше не хотелось, поэтому решил упомянуть лишь главную составляющую. По-хорошему, надо было встать и уйти, но что-то останавливало, вежливость, наверное.

– Чтобы мать этих самых детей имела адекватные взгляды на воспитание. Чтобы не навязывала своего мировоззрения, чтобы не тащила ребенка за собой, а направляла по его собственному пути. Чтобы не было, как у моей нехорошей знакомой: «На следующей неделе мы едем крестить ребенка». На мой вопрос «Зачем?», она не может дать ответа.

– Ну как же, чтобы Бог ребенка оберегал, чтобы его не сглазили...

Это прозвучало как выстрел, надо было уходить сразу, не отвечая, теперь я был обессилен. Сил все-таки, хватило, чтобы ответить.

– Богу плевать.

– Ты что не веришь в Бога? – сформулировал вопрос ее рот.

Не то, чтобы я любил поспорить на эту тему, просто знал, что это будет равносильно тому, как пытаться пробить лбом китайскую стену. С какой стороны ни стой, вряд ли успех гарантирован.

– Послушай, Вика. Я не знаю, есть ли бог, какой-либо из тысячей, да мне по большей части все равно. Но я уверен в одном, не Бог заставляет людей болеть и от этого страдать, и точно не Бог их вылечивает. Ну а если все же он, то мне с ним не по пути.

– Ну а судьба, в судьбу то ты веришь? Когда двое встречаются друг друга на улице, в электричке и проводят вместе всю жизнь.

«Ну, нет, достаточно тех пятнадцати минут, что я на тебя потратил. Да и с чего ты взяла, что на очередную девочку с передозом позитива, нахватавшуюся радужных картинок, но не имеющую ни одного аргумента их обосновать, я буду тратить свою жизнь. Вероятнее всего разменяю ее по пятнадцать минут на таких же, как ты.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.